

Венецию с ним и тем самым не допустить договора морской республики с Мехмедом I. Это могло спровоцировать его конфликт с Венгрией. Однако Венеция в отношении с Мустафой не вступила, и дальнейшие события косвенно подтвердили ее политическую стратегию в борьбе со своим главным врагом, которой Византия пыталась помешать. Летом 1415 г. турки ворвались в Боснию и нанесли сильнейшее поражение венгерским союзникам в этом регионе, а затем и самим венграм. Король Сигизмунд и его представители на Констанцском соборе обвинили Венецию в тайном союзе с турками. Намек на это был и в послании венецианцам византийского императора.

В начале 1416 г. византийский посол, следовавший на Констанцкий собор, вновь предложил Венеции закончить конфликт с венгерским королем. Хотя республика дала принципиальное согласие, она продолжала искать одностороннего соглашения с султаном. Поэтому не исключено, что последовавшее затем выступление Византии на стороне Мустафы явилось попыткой надавить уже на самого Мехмеда I, чтобы удержать его от договора с венецианцами. При этом Византия четко давала понять, что не собирается нарушать мир с турецким правителем: отсюда и данные ею впоследствии гарантии, что Мустафа до конца его правления будет оставаться в полной изоляции под контролем византийцев. Византийская дипломатия не смогла, однако, закрепить этот успех. По окончании Констанцкого собора война Венеции с венгерским королем возобновилась, а без его прекращения попытки Византии обезопасить себя своеобразным балансом сил, включая в него силу Османского государства, были обречены на провал.

В. В. Петрунин

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел)

Советский тип политической секуляризации и концепция «византизации» Д. Б. Зильбермана

В русской мысли одной из актуальных тем продолжает оставаться русско-византийский культурный диалог. В дореволюционный период, в рамках концепции византизма К. Н. Леонтьева, культурный архетип Византии рассматривался как системообразующее начало русской культуры, основа самостоятельного цивилизационного бытия России. Определяющим фактором византийского влияния называлось православное христианство, что определяло исключительно религиозный акцент византизма.

Вместе с тем, построение секулярного государства в XX в. не сняло проблему византизма с интеллектуальной повестки русской мысли. Хорошо известен тезис Н. А. Бердяева о религиозных истоках русского коммунизма. В советской мысли одним из ярких примеров актуализации византийского наследия в СССР становятся труды Давида Зильбермана, эмигрировавшего в

США в 1973 г. Беря за основу методологию Макса Вебера, показавшего влияние религии на социальную и политическую жизнь народов и государств, Зильберман публикует в эмиграции свою знаменитую работу «Православная этика и материя коммунизма», в которой представлена оригинальная концепция византийского влияния на русский/советский тип цивилизации.

Несмотря на агрессивное вытеснение религии в рамках советского типа политической секуляризации, СССР стал, по мнению Зильбермана, своеобразным повторением Византии посредством «византизации» (Byzantization) советского культурного типа. Рассматривая исихазм в качестве основания православного типа религиозности, философ указывает на сходство исихазма с марксизмом. Православный мистицизм становится плодотворной почвой для формирования особой политической системы, которая нашла свое завершение в советском типе государственности.

Концепция «византизации» Зильбермана представляет интерес и для современного осмысления нового этапа российской государственности. Особый культурный тип, сформированный восточным христианством и показавший свою устойчивость, как в религиозном, так и в секулярном обществе переживает новую трансформацию, в основе которой продолжает лежать византийско-русская традиция православной этики.

Е. К. Пиотровская

Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)

Значение сборника № 245 из коллекции Археографической комиссии в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН в научном наследии митрополита Евгения Болховитина

В обширной коллекции письменных памятников, хранящихся в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН, до нашего времени дошли многие уникальные сборники историко-культурного всемирного наследия. Их состав привлекает исследователей уже на протяжении многих десятилетий. Следует отметить, что рукописей древнейшей поры славяно-русской письменности XI–XIII вв. в коллекции не представлено. Как известно, значительную часть сохранившегося письменного наследия этого периода составляют кодексы богослужебного круга. Тем больший научный интерес вызывают сборники XV–XVI и XVII вв., в которых многообразие древнеславянской и древнерусской письменности, переводной и оригинальной, представлено более широко. Эти рукописи сохраняют в своих списках полные тексты сочинений или их фрагментов, которые переписывались книжниками с более